

Александр
Тамоников

КОМЕНДАНТСКИЙ
ГОД

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
T17

Тамоников, Александр Александрович.
T17 Комендантский год / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-158647-8

На оккупированной фашистами территории Орловской области создано так называемое Локотское самоуправление — антисоветский регион под управлением бургомистра Каминского. Полная автономия и собственная «освободительная армия» — чем не союзники Гитлеру? Накануне наступления Красной Армии СМЕРШ разрабатывает операцию по уничтожению главаря автономии. Майору контрразведки Вадиму Зорину поручено через сестру Каминского убедить бургомистра сдаться. В противном случае предателя ждет смерть. Границу мятежной области оперативная группа прошла беспрепятственно. А дальше начались непредвиденные трудности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158647-8

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

— Сыч, патруль!

Серая личность в кепке спрыгнула с фундамента, пронеслась вдоль здания и скрылась за углом.

Решетка на окне продмага заметно покосилась, но держалась. Несколько минут они упорно выворачивали ее из кирпичной стены и управлялись бы с этим делом, если бы не досадная заминка.

Лунная ночь накрыла город. По небу плыли перистые облака. Погода для начала лета была вполне сносной.

Задняя сторона здания выходила в узкий проулок. По обеим его сторонам тянулись бетонные заборы.

Гулко отдавались шаги. Из-за поворота показался патруль — солдат, ефрейтор и сержант. В лунном свете поблескивали пуговицы на гимнастерках, звездочки на фуражках с синими тулями. В ночное время город патрулировали подразделения НКВД по охране тыла действующей армии.

Четыре месяца назад, 8—9 февраля 1943 года войска Воронежского фронта генерал-лейтенанта Голикова освободили Курск. Преступность в городе цвела махровым цветом. Ни патрули, ни приказ расстреливать на месте не могли ее остановить.

Патруль вошел в переулок. За спинами бойцов покачивались карабины Мосина, принятые на вооружение еще в тридцать восьмом году. Первым шел сержант. Внезапно он остановился, поднял руку. Патрульные замерли. По их напряженным лицам блуждали тени.

Сержант медленно повернул голову и уставился на решетку складского помещения продмага, находившуюся у него под боком. Он включил фонарь. Луч света забегал по облезлой штукатурке и ржавым прутьям. Там, где штырь сварной конструкции вгрызлся в стену, кладка была раскрошена. Однако сержант не обратил на это внимания.

Город спал беспокойным сном. Он еще не оправился от пятнадцати месяцев оккупации. С южной окраины доносился невнятный гул. Где-то в глубине кварталов прозвучала автоматная очередь, потом там же гавкнула собака.

— Все в порядке? — спросил ефрейтор, стоявший за спиной сержанта.

— Да, пошли, — сказал начальник патруля и двинулся дальше.

Подчиненные потянулись за ним и вскоре скрылись из виду. Несколько минут округа по-

малкивала. Потом из-за угла обрисовались два нечетких силуэта.

Один воришко глухо хихикнул и проговорил:

— Обделался ты, Дося? То ж тупые винтовые. Они дальше носа не видят и в ушах у них затычки, а ты весь вспотел, капля на носу висит. Да и запашок от тебя убойный. Струхнул, подельник?

— Жало завали, Сыч, — процедил второй. — И вообще за метлой следи. Сам ты обделался. Чего им надо тут? Странные они какие-то. Патрули всегда по проспектам и бульварам ходят, там светлее и неопасно. А эти в глуши залезли. Ладно, хрен с ними. Ты уверен, что дело верное?

— Верное, Дося. — Ночной воришко пристально вглядывался в темноту. — Лялька, кошка блатная, мамой божилась, что добыча золотая будет. Коньяк и тушенку сюда привезли, рыбные консервы, еще какой-то дефицит. Директор половину заныкал, чтобы барыгам на черный рынок сдать, в подвал спрятал. Решетку я почти сделал, Лялька говорит, там комната, рядом лестница. Мы будем в шоколаде. Гребем добро и сваливаем отсюда. Сторож на ухо тугой. Он на другой стороне сидит, в каморке. Ты глушарь взял?

— А то, Сыч! — Его сообщник похлопал себя по оттопыренному карману.

Там лежал мешочек с песком, идеальный инструмент, если хочешь вырубить человека, не доводя дело до греха.

— Ладно, стой на стреме, я пошел. — Воришка на цыпочках припустил вдоль стены, собрался доламывать решетку.

Второй отступил за угол, чтобы не мерцать в лунном свете.

Патруль НКВД продолжал движение. Переулок вывел его на улицу Октябрьскую, застроенную добрыми каменными домами. В этой части Курска большинство зданий сохранилось, была восстановлена подача электричества. Воронки на проезжей части рабочие засыпали щебнем, распилили и увезли упавшие деревья.

В два часа ночи улица была пустынной. Откуда-то с южной стороны доносилась стрельба, но она не нервировала. Обычно бывало хуже, сегодня — просто праздник тишины. Пятна мглистого света плыли по плитам тротуара.

В период оккупации здесь был променад. Чуть дальше функционировал кинотеатр «Заря», где для немцев крутили фильмы с Марлен Дитрих, Ольгой Чеховой и Лени Рифеншталь. Работали кафе, рестораны, бильярдные залы, процветали бордели для утоления физиологических нужд голубоглазых арийцев. Сейчас здесь, разумеется, уже не было ничего подобного.

Сержант посмотрел по сторонам и двинулся в восточном направлении. Дома казались безжизненными. Свет в окнах не горел. Комендантский час был в разгаре. Солдаты не разговаривали, шли по маршруту.

КОМЕНДАНТСКИЙ ГОД

Свет фар прорезал тьму. Патрульные сняли с плеч карабины. Старший шагнул на тротуар и хотел было остановить машину, но воздержался. Комендантская полуторка с автоматчиками в кузове прогремела мимо.

— Все в порядке? — крикнул из кабины офицер.

— Так точно, товарищ... — Сержант замялся. Он не видел погоны офицера.

— Счастливой службы! — заявил тот.

Полуторка растаяла, погасли габаритные огни.

Сержант огляделся и буркнул:

— Пошли!

Патруль двинулся дальше. Вскоре из мрака вырос четырехэтажный дом с двумя подъездами. Сохранился он неважно, стены растрескались, лепнина осыпалась с карнизов. Патруль приблизился к зданию.

Поблизости не было ни одной живой души. Растительность, окружавшая здание, создавала экран, глушила отдаленную стрельбу.

Дверь в подъезд отворилась без скрипа. Петли недавно были смазаны. Гостей встретило гулкое парадное, широкие каменные ступени, устремленные ввысь.

Электричество в подъезде не работало. Фонари патрульные включать не стали, поднимались в темноте, держась за перила. Между лестничными маршрутами в высокие окна просачивался мутный свет, обрисовывал стены, изъеденные разводами. Темнели двери, обитые дерматином.

Дом строился еще в царские времена — широкие лестничные марши, объемная вертикальная шахта между пролетами.

Сержант ступил на площадку второго этажа, прислушался и на цыпочках отправился дальше.

Разошлись облака. Ярко-желтая луна заглянула в дом, мазнула светом облезлый подоконник.

Патрульные поднялись на третий этаж. На площадке было три двери. Сержант включил фонарь, убедился в том, что стоит перед нужной квартирой, и собрался постучать.

Тут из ниши, расположенной по соседству, вдруг послышалось утробное урчание.

Тревога! Патрульные скинули карабины с плеч. Старший опять включил фонарь.

В нише что-то ворочалось, бурчало. Это явно была не собака. На полу, свернувшись клубком, лежал небритый мужик в старом пиджаке и клетчатых брюках. Физиономия как у трубочиста. Он сунул грязный кулак под щеку, стонал, чмокал губами, негодующе заурчал, когда луч света уперся ему в лицо.

Патрульные недоуменно переглянулись. По губам кряжистого ефрейтора со шрамом под носом пробежала усмешка. Подался вперед осанистый рядовой, придержал фуражку, потянул носом и отпрянул. От мужика исходил удущливый запах сивухи.

— Бухарик хренов, — пробормотал рядовой. — Нажрался, скотина, в дым, до дома не